

Как гласит подзаголовок этой книги, история экономической мысли рассматривается в ней с откровенно «австрийских» позиций, т.е. с точки зрения приверженца «австрийской школы» в экономической теории. Это единственная такого рода работа, написанная современным австрийцем; более того, за последние десятилетия на эту тему австрийцами опубликовано лишь несколько монографий, посвященных специальным областям истории идей¹. Кроме того, взгляд, представленный в этой книге, основан на наименее модном в настоящий момент, но при этом далеко не самом малораспространенном варианте австрийской школы — «мизесизмом», или «праксеологическом»².

При этом австрийский характер этой работы — не единственная ее особенность. Когда автор в 1940-х гг. начинал изучать экономическую теорию, в исследовании истории экономической мысли полностью господствовала та же парадигма, которая преобладает и сегодня, хотя и не так явно, как тогда. Фактически она описывает суть истории экономической мысли как список «великих людей», среди которых выделяется почти что основатель этой науки, почти сверхчеловек Адам Смит. Но если Смит был творцом как экономического анализа, так и доктрины свободной торговли, т.е. традиции поддержки свободного рынка в политической экономии, то из этого следует, что ставить под сомнение его предполагаемые достижения есть мелочность и пошлость. Любая жесткая критика Смита как экономиста и как поборника свободного рынка представлялась анахронизмом: глядя на первооткрывателя и основателя с высоты сегодняшнего уровня знаний жалкие последователи несправедливо порицают гиганта, на плечах которого все мы стоим.

Если Адам Смит создал экономическую теорию, подобно тому как Зевс создал Афины, вышедшую из его головы сразу взрослой и в полном вооружении, то его предшественники были просто фоном — мелкими и ничего не значащими персонажами. Поэтому в классических изложениях истории экономической мысли уделялось очень мало внимания тем, кому не повезло быть предшественником Смита. Как правило, их относили к одной из двух категорий, а затем объявляли не имеющими никакого значения. Непосредственными предшественниками Смита были меркантилисты, которых он резко критиковал. Меркантилисты были просто дурачками, убеждавшими людей накапливать деньги, а не тратить их,

1 На полях под чертой указано начало страницы по английскому оригиналу. См. указатель.

Вставки в квадратных скобках принадлежат М. Ротбарду, вставки в угловых скобках — переводчикам и издательству.

или настаивавшими на том, что торговля с каждой страной должна быть «сбалансированной». От схоластов отмахивались еще более бесцеремонно, объявляя их невежественными средневековыми моралистами, неизменно настаивавшими на том, что «справедливая» цена должна покрывать купцу издержки производства с добавлением разумной прибыли.

Затем классические работы 1930—1940-х гг. по истории экономической мысли переходили к изложению и преимущественно прославлению достижений нескольких выдающихся фигур после Смита. Рикардо систематизировал Смита и был доминирующей фигурой в экономической теории до 1870-х гг.; затем «маржиналисты» Джевонс, Менгер и Вальрас слегка подкорректировали «классическую экономическую теорию» Смита—Рикардо, подчеркнув важность отдельной дополнительной единицы блага в отличие от целых классов благ. Затем рассказ переходил к Альфреду Маршаллу, мудро интегрировавшему рикардианскую теорию издержек в якобы односторонний подход австрийцев и Джевонса, делавших упор на спрос и полезность, что привело к созданию современной неоклассической экономической теории. Невозможно было проигнорировать и Карла Маркса, который трактовался в соответствующей главе как путанный последователь Рикардо. В результате историк мог сострять свой рассказ, ограничившись четырьмя-пятью «крупными фигурами», каждая из которых, за исключением Маркса, добавила несколько новых строительных блоков в здание непрерывного прогресса экономической науки, история которого, по существу, представлялась как движение вперед и вверх, к свету³.

Разумеется, после Второй мировой войны в пантеон был включен Кейнс, составивший новую кульминационную главу в развитии и прогрессе науки. Кейнс, любимый ученик великого Маршалла, понял, что старик упустил из виду то, что позднее было названо «макроэкономикой», так как делал упор исключительно на микроэкономiku. И Кейнс добавил макроэкономiku, сосредоточившись на изучении и объяснении безработицы — феномена, который все его предшественники почему-то не включали в общую экономическую картину или отметали, легкомысленно вводя для своего удобства «предположение о полной занятости».

С тех пор господствующая парадигма оставалась в основном неизменной, хотя в последнее время небо на горизонте стало заволакиваться тучами. Прежде всего такого рода история непрерывного движения вверх благодаря «великим людям» требует периодического добавления новых последних глав. «Общая теория занятости, процента и денег» Кейнса была опубликована в 1936 г., т.е. сегодня это работа уже почти шестидесятилетней давности. За это время не мог не появиться новый «великий человек», вписавший последнюю главу. Но кто это? Какое-то время на эту роль претендовал Шумпетер с его современным и вроде бы реалистичским акцентом на «инновациях». Но это направление с треском провалилось — возможно, из-за понимания того простого факта, что фундаментальная работа Шумпетера (или «видение», как он сам ее проницательно

назвал) была написана за два десятилетия до «Общей теории». С 1950-х гг. наступил темный период; возвращение же к некогда забытому Вальрасу трудно впихнуть в прокрустово ложе непрерывного прогресса.

Моя собственная точка зрения о глубокой порочности подхода, основанного на концепции «нескольких великих людей», сформировалась во многом под влиянием работ двух блестящих исследователей интеллектуальной истории. Один из них — Джозеф Дорфман, мой научный руководитель во время написания докторской диссертации, чей уникальный многотомный труд по истории американской экономической мысли убедительно продемонстрировал, насколько важную роль в развитии идей играют «менее значительные» фигуры. Во-первых, не учитывать эти фигуры — значит упускать из виду саму ткань истории, и если отобрать несколько разрозненных текстов, из которых состоит История Идей (с большой буквы), и трястись над ними, то история таким образом оказывается сфальсифицированной. Во-вторых, многие якобы второстепенные лица внесли значительный вклад в развитие идей, причем в ряде случаев больший, чем вклад горстки выдающихся мыслителей. Таким образом, важные аспекты экономической мысли оказываются опущены, и получающаяся в конце концов теория оказывается мелкотравчатой, выхолощенной и безжизненной.

Более того, при подходе, основанном на выделении «немногих великих людей», игнорируется диалогичность самой истории, контекст идей и движений, то, как люди влияли и реагировали друг на друга. Самой наглядной демонстрацией этого аспекта работы историка для меня стал двухтомный труд Квентина Скиннера «Истоки современной политической мысли», значение которого можно по достоинству оценить и не разделяя бихевиористской методологии автора⁴.

Для меня — как, вероятно, и для всех — идея непрерывного прогресса науки, ее движения «вперед и вверх» была полностью опровергнута знаменитой книгой Томаса Куна «Структура научных революций»⁵. Ее автор уделил ноль внимания экономической науке, вместо этого сосредоточившись на таких неизменно «точных» науках, как физика, химия и астрономия, что является стандартной практикой у философов и историков науки. Введя в интеллектуальный дискурс слово «парадигма», Кун разрушил то, что я предпочитаю называть «виговской теорией истории науки». Эта теория, которую разделяют почти все историки науки, в том числе экономической, состоит в том, что научная мысль развивается постепенно, год за годом, путем разработки, тщательного анализа и проверки теорий, и таким образом наука движется вперед и вверх, с каждым годом, десятилетием и поколением узнавая больше и получая все более правильные научные теории. Подобно стороннику виговской теории истории, придуманной в Англии в XIX в., согласно которой положение дел постоянно улучшается (и поэтому не может не улучшаться), адепт виговской теории истории науки явно или неявно утверждает (на первый взгляд с большим основанием, чем обычный виг-историк), что

в любой отдельной научной дисциплине «более позднее, всегда лучше более раннего». Независимо от того, занимается ли он историей науки или историей вообще, он, по сути, утверждает, что в любой момент исторического времени «то, что фактически имело место, и было правильным» или, по крайней мере, оно было лучше, чем «то, что было раньше». Неизбежным результатом становится самодовольный оптимизм в духе доктора Панглосса, который не может не вызывать острого раздражения. В историографии экономической мысли следствием такой позиции становится твердая, хотя и не выраженная явно точка зрения, что каждый отдельный экономист или по крайней мере каждая экономическая школа внесла свою важную лепту в неизбежное движение вверх. Поэтому неоткуда взяться крупной системной ошибке, которая сделала бы глубоко ущербной или даже несостоятельной целую школу экономической мысли, не говоря уж о том, чтобы завести в тупик всю экономическую науку в целом.

Однако Кун потряс мир философии, продемонстрировав, что наука развивается совсем не так. После того как центральная парадигма выбрана, никто не занимается ни проверкой, ни отсеиванием, а попытки проверить базовые посылки предпринимаются лишь тогда, когда серия провалов и аномалий в господствующей парадигме ввергает науку в «состояние кризиса». Совершенно не нужно принимать нигилистический философский подход Куна — подразумевающий, что ни одна парадигма не является и не может быть лучшей, чем другая, — чтобы понять, что его не столь прекраснодушный взгляд на науку выглядит правдоподобным и с исторической, и с социологической точки зрения.

Но если стандартное романтическое, или оптимистическое, представление не работает в случае строгих наук, то тем более оно не может не быть полностью неадекватным применительно к таким «нестрогим наукам», как экономика — дисциплина, в которой невозможна лабораторная экспериментальная проверка и где на экономические представления человека оказывают влияние многочисленные еще менее строгие дисциплины, такие как политика, религия и этика.

Поэтому для экономической науки не может быть действительной никакая презумпция о том, что более поздние идеи лучше, чем более ранние, или что все знаменитые экономисты внесли заметную лепту в развитие этой дисциплины. Нельзя ведь утверждать, что каждый из них поучаствовал в возведении некоего постоянно растущего здания, — представляется более вероятным, что экономическая теория развивалась конфликтным, зигзагообразным образом, когда более поздняя системная ошибка порой вытесняла прежние, но более адекватные парадигмы, направляя тем самым экономическую мысль по совершенно ошибочному, а возможно, и трагическому пути.

В последние годы экономическая теория, находящаяся под доминирующим влиянием формализма, позитивизма и эконометрики и выставяющая себя в качестве строгой науки, не проявляет особого интереса

к своему прошлому. Она сосредоточена, как и всякая «настоящая» наука, не только на вышедшей журнальной статье или новейшем учебнике, а не на исследовании собственной истории. Ведь не тратят же современные физики много времени на обдумывание оптики XVIII века!

Однако в последние одно-два десятилетия доминирующая парадигма валрасианско-кейнсианского неоклассического формализма все больше ставится под сомнение, и в различных отраслях экономической теории складывается действительно «кризисное состояние» в куновском смысле, включающее озабоченность по поводу ее методологии. В этой ситуации изучение истории экономической мысли вновь серьезно заявляет о себе, и мы надеемся и ожидаем, что в ближайшие годы оно будет расширяться⁶. Ибо если знание, похороненное вместе с утерянными парадигмами, может исчезнуть и быть забыто с течением времени, то из этого следует, что можно заниматься изучением экономистов и теоретических школ прошлого не только из интереса к старине и не только для того чтобы узнать, как протекала интеллектуальная жизнь в прежние времена. Старых экономистов можно изучать ради их важного вклада в то знание, которое сегодня забыто и уже в силу этого является новым. Важные истины, относящиеся к содержанию экономической теории, могут быть извлечены не только из новейших журнальных выпусков, но и из текстов давно умерших экономических мыслителей.

Но все это лишь методологические обобщения. Конкретное понимание того, что важное экономическое знание с течением времени было утеряно, пришло ко мне в результате освоения того великого пересмотра трактовки схоластики, который произошел в 1950—1960-х гг. Кардинальным прорывом в этом ревизионистском направлении стала великая работа Шумпетера «История экономического анализа», а развитие он получил в трудах Раймонда де Рувера, Марджори Грайс-Хатчинсон и Джона Нунана. Оказалось, что схоласты были не просто «средневековыми» — это направление, зародившееся в XIII в., развивалось и процветало вплоть до XVI—XVII вв. Схоласты вовсе не были моралистами, объяснявшими цену издержками производства, а считали, что справедливая цена — это та цена, которая установилась на основе «общей оценки» свободного рынка. Но и это не всё: они не только не были сторонниками наивной теории ценности, объясняющей последнюю затратами труда или издержками производства, но их можно рассматривать как «протоавстрийцев», создавших тщательно разработанную теорию ценности и цен, основанную на субъективной полезности. Кроме того, некоторые из схоластов намного превосходили современную формалистическую микроэкономику тем, что развили «протоавстрийскую» динамическую теорию предпринимательства. Наконец, в сфере «макроэкономики» схоласты, начиная с Буридана и заканчивая кульминацией развития этого направления, которой стали испанские схоластические авторы XVI в., построили «австрийскую», а не монетаристскую теорию денег и цен, основанную на понятиях спроса и предложения и включающую в себя такие разделы,

как межрегиональные денежные потоки и даже теория паритета покупательной способности, объясняющая обменные курсы валют.

По-видимому, не случайно, что толчком к этому коренному пересмотру представлений о схоластике для американских экономистов (к числу достоинств которых обычно не относится владение латинским языком) стали работы экономистов, получивших образование в Европе и поднаторевших в латыни — языке, на котором писали схоласты. Этот простой факт обращает наше внимание еще на одну причину утери знания в современном мире: изолированность в рамках собственного языка (особенно остро дающая о себе знать в англоязычных странах), которая со времен Реформации разорвала на части некогда единое общеевропейское сообщество ученых. Одно из объяснений того, почему континентальная экономическая мысль зачастую оказывала лишь минимальное влияние на Англию и США или, в лучшем случае, оказывала его с большим опозданием, заключается просто-напросто в том, что европейские работы не переводились на английский язык⁷.

Для меня воздействие исторического ревизионизма в отношении схоластики дополнялось и усиливалось создававшимися в те же десятилетия работами Эмиля Каудера, «австрийского» историка экономических идей, родившегося в Германии. Он обнаружил, что доминировавшая в XVII и особенно в XVIII в. во Франции и Италии экономическая мысль тоже была «протоавстрийской», делавшей упор на субъективную полезность и относительную редкость как на детерминанты ценности. Отталкиваясь от этой подготовительной работы, Каудер пришел к удивительному прозрению в отношении Адама Смита, которое тем не менее прямо вытекало из его собственных результатов и из трудов ревизионистских историков схоластики: Адам Смит не только не был основателем экономической теории, но и сыграл фактически противоположную роль. В действительности он получил от предшественников почти полностью разработанную, протоавстрийскую традицию теории субъективной ценности и, к величайшему прискорбию, направил экономическую теорию по ложному пути, заведшему ее в тупик, из которого австрийцам пришлось ее вытаскивать столетие спустя. Смит отбросил субъективную ценность, предпринимательство и акцент на рыночной активности и реальном формировании рыночных цен и заменил все это трудовой теорией ценности, а основное внимание сосредоточил на неизменном долгосрочном равновесии при «естественной цене», т.е. на мире, в котором предпринимательство отсутствует по определению. Усилиями Рикардо это трагическое смещение фокуса было усилено и приобрело форму законченной системы.

Смит не был не только создателем экономической теории, но и основателем традиции *laissez faire* в политической экономии. Не только схоласты анализировали свободный рынок, верили в него и критиковали государственное вмешательство; французские и итальянские экономисты XVIII в. были более ориентированы на *laissez faire*, чем Смит, разбавив-

ший многочисленными увертками и оговорками то, что в устах Тюрго и других авторов было практически беспримесной защитой *laissez faire*. Адам Смит оказался вовсе не той фигурой, которую следует почитать как основателя современной экономической науки и доктрины невмешательства государства в экономическую жизнь; ему в большей степени подходит та характеристика, которую ему дал Пол Дуглас на юбилейных торжествах в Чикаго в 1926 г.: необходимый предшественник Карла Маркса.

Вклад Эмиля Каудера не ограничивается характеристикой Адама Смита как разрушителя существовавшей до него здоровой традиции экономической теории, как человека, положившего начало гигантскому «скачку вбок», если придерживаться зигзагообразной, в духе концепции Куна, картины истории экономической мысли. Не менее захватывающим, хотя и более спекулятивным является описание Каудером существенной причины загадочной асимметрии в развитии экономической мысли в разных странах. Например, почему традиция субъективной полезности процветала на континенте, особенно во Франции и Италии, а затем возродилась в Австрии, в то время как трудовая теория ценности и теория детерминации ценности издержками производства развивались в основном именно в Великобритании? Каудер объясняет это различие глубоким влиянием религии: схоласты были католиками, Франция, Италия и Австрия были католическими странами, а католицизм делал акцент на потреблении как цели производства и считал полезность для потребителя и получение удовольствия от потребления, по крайней мере если оно остается в рамках умеренности, активностью, которая обладает ценностью. Напротив, британская традиция, начиная с самого Смита, была кальвинистской и отражала тот факт, что кальвинизм делал упор на усердную работу и трудовые усилия не только как на единственное благо, но и как на величайшее благо по самой своей сущности, и воспринимал потребительское удовлетворение как в лучшем случае необходимое зло, как всего лишь необходимое условие для продолжения труда и производства.

Когда я читал Каудера, этот его взгляд поначалу показался мне весьма нетривиальной, но все же недоказанной спекуляцией. Однако по мере дальнейшего изучения экономических идей и в ходе написания томов этой книги я пришел к выводу, что его идея многократно подтверждается. Хотя Смит и был «умеренным» кальвинистом, тем не менее он был твердым приверженцем этого учения, и я был вынужден заключить, что его кальвинистская тенденция может служить объяснением, например, поддержки им законов о ростовщичестве, в противном случае представляющейся совершенно загадочной, а также смещения им акцента при объяснении ценности с капризного, любящего роскошь потребителя на добродетельного работника, закладывающего часы своего тяжелого труда в ценность произведенного им материального продукта.

Но если феномен Смита можно объяснить кальвинизмом, то как насчет Давида Рикардо, испано-португальского еврея, обратившегося

в квакерство, который определенно не был кальвинистом? Здесь, как мне кажется, существенной частью объяснения может служить доминирующая роль Джеймса Милля, учителя Рикардо и главного основателя «рикардианской системы». Ведь Милль был шотландцем, рукоположенным в пресвитерианские пасторы и насквозь пропитанным кальвинизмом; то, что Милль переехал в Лондон и стал агностиком, не оказало никакого влияния на кальвинистский характер его глубинного отношения к жизни и миру. Огромная проповедническая энергия Милля, его пламенная борьба за социальные улучшения и приверженность к упорному труду (а также к родственной ему кальвинистской добродетели бережливости) отражали его кальвинистское мироощущение, которому он оставался верен на протяжении всей жизни. Возрождение рикардианства в трудах Джона Стюарта Милля можно интерпретировать как проявление преданности и почтения по отношению к доминирующему отцу. Осуществленная Альфредом Маршаллом тривиализация открытий австрийской школы в рамках неорикардианской схемы тоже является продуктом мысли неокальвиниста, склонного к проповедничеству и к крайней степени морализаторства.

И наоборот, совершенно не случайным было то, что австрийская школа, ставшая главным вызовом представлениям Смита и Рикардо, появилась в стране, которая была преимущественно католической, ценности и менталитет которой все еще находились под сильным влиянием идей аристотелизма и томизма. Немецкие предшественники австрийской школы жили и работали не в протестантской и антикатолической Пруссии, а в тех германских государствах, которые были либо католическими, либо союзными Австрии, а не Пруссии.

Результатом всех этих исследований для меня стало растущее убеждение в том, что пренебрежение религиозными взглядами, а также социальной и политической философией катастрофически искажает картину истории экономических идей. Это совершенно очевидно применительно к периоду до XIX в., но верно и для нашего столетия, несмотря на то что технический аппарат науки к этому времени уже во многом зажил своей жизнью.

Вследствие этих соображений тома данной книги сильно отличаются от стандартных сочинений такого рода не только тем, что представляют австрийскую, а не неоклассическую или институционалистскую точку зрения. Вся работа в целом намного длиннее, чем большинство аналогичных, так как она неизменно уделяет внимание «менее значительным» фигурам и их взаимодействию друг с другом, а также делает упор на важность их религиозной и социальной философии, а не только «экономических» взглядов в узком смысле. Однако я надеюсь, что объем и включение в рассмотрение всех этих элементов не делают эту работу менее удобочитаемой. Напротив, история с необходимостью предполагает нарратив, обсуждение не только абстрактных теорий, но и реальных личностей; она включает в себя триумфы, трагедии и конфликты,

причем последние зачастую имеют не только чисто теоретический, но и этический характер. Поэтому я надеюсь, что нетипично большой объем книги будет компенсирован для читателя тем, что драма человеческой жизни будет отражена в ней гораздо больше, чем это обычно бывает в трудах по истории экономической мысли.

Мюррей Ротбард
Лас-Вегас, Невада

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Капитальный и весьма ценный труд Йозефа Шумпетера «История экономического анализа» (Joseph Schumpeter, *History of Economic Analysis*. New York: Oxford University Press, 1954 <Шумпетер Й. История экономического анализа. Т. 1—3. СПб.: Экономическая школа, 2001>) порой называют «австрийским». Но хотя Шумпетер вырос в Австрии и обучался под руководством великого австрийца Бём-Баверка, он был убежденным последователем Вальраса, и вдобавок его работа эклектична и не может быть отнесена ни к какой школе.
2. Характеристику трех ведущих в настоящее время парадигм в рамках австрийской школы см. в: Murray N. Rothbard, *The Present State of Austrian Economics* (Auburn, Ala: Ludwig von Mises Institute, 1992).
3. Когда автор этих строк готовился к устным экзаменам на докторскую степень в Колумбийском университете, его экзаменатором по истории экономической мысли был почтенный Джон Морис Кларк. Когда он спросил Кларка, читал ли тот Джевонса, Кларк ответил довольно неожиданным образом: «А зачем? Все, что есть хорошего у Джевонса, есть и у Маршалла».
4. Joseph Dorfman, *The Economic Mind in American Civilization* (5 vols, New York: Viking Press, 1946-1959); Quentin Skinner, *The Foundations of Modern Political Thought* (2 vols, Cambridge: Cambridge University Press, 1978) <Скиннер К. Истоки современной политической мысли. М.: Дело, 2018>.
5. Thomas S. Kuhn, *The Structure of Scientific Revolutions* (1962, 2nd ed., Chicago: University of Chicago Press, 1970) <Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003>.
6. Благоприятным знаком этой недавней смены подходов может служить то внимание, которые в последние годы уделяется критике неоклассического формализма как полностью зависящего от устаревшей механики XIX в. Блестящий пример см. в: Philip Mirowski, *More Heat than Light* (Cambridge: Cambridge University Press, 1989).
7. Сегодня, когда английский язык стал европейским *lingua franca*, и большинство европейских журналов публикуют англоязычные статьи, этот барьер снизился до минимума.

БЛАГОДАРНОСТИ

Непосредственным вдохновителем создания этих томов стал Марк Скоузен из Роллинз-Колледжа, штат Флорида, который настоятельно советовал мне написать историю экономической мысли с точки зрения австрийской школы. Он же убедил Институт политической экономии поддержать мое исследование в течение первого академического года работы над ним. Первоначально Марк представлял себе этот текст как стандартную книгу среднего размера, посвященную периоду от Адама Смита до настоящего времени, т.е. как своего рода «анти-Хейлбронер». Однако, поразмыслив над задачей, я сказал ему, что следовало бы начать с Аристотеля, так как Смит являл собой резкое ухудшение по сравнению со многими его предшественниками. Никто из нас тогда не представлял охват и объем предстоящего исследования.

Невозможно перечислить всех людей, у которых я чему-либо научился в ходе преподавания и обсуждения истории экономической мысли и связанных с ней дисциплин на протяжении всей моей жизни. Здесь я вынужден опустить большинство из них и упомянуть лишь нескольких. Посвящением к книге я признаю свой огромный долг перед Людвигом фон Мизесом за созданное им грандиозное здание экономической теории, за все, чему он меня научил, за дружбу и за тот вдохновляющий пример, которым стала его жизнь, а также перед Джозефом Дорфманом за его первопроходческий труд в области истории экономической мысли, за подчеркивание им важности первичной материи истории, а также за сами его теории и за старательное обучение меня историческому методу.

Я в большом долгу перед Луэллином Роквеллом за создание и организацию Института Людвиг фон Мизеса, учрежденного при Университете Оберна, штат Алабама, и за превращение его в течение десятилетия в процветающий и высокопроизводительный центр развития австрийской школы экономической теории и ее преподавания. Для меня не последнюю роль сыграло то, что Институт Мизеса привлек исследователей, у которых я смог многому научиться, и объединил их в сеть. Здесь я должен особо выделить Джозефа Салерно из Университета Пейс, который проделал в высшей степени творческую работу в сфере истории экономической мысли, а также Дэвида Гордона, сотрудника Института Мизеса, человека энциклопедических знаний и «исследователя исследователей», в чьих многочисленных работах по философии, экономической теории и интеллектуальной истории воплотилась лишь малая часть его эрудиции в этих и многих других областях. Благодарю также Гэри Норта, главу Института христианской экономики в Тайлере, штат Техас, за полезные библиографические указания, касающиеся Маркса и социализма в целом, а также за объяснение премудростей, связанных

со всевозможными разновидностями миллениаризма — пре-, пост- и амиллениаризма. Разумеется, никто из названных людей не несет ответственности за какие-либо ошибки, содержащиеся в этой книге.

Большая часть моей исследовательской работы была выполнена благодаря богатейшим ресурсам библиотек Колумбийского и Стэнфордского университетов а также библиотеки Университета штата Невада в Лас-Вегасе — с добавлением моего собственного книжного собрания, накопленного на протяжении многих лет. Я остаюсь одним из немногих ученых, упорно приверженных к низкотехнологичным пишущим машинкам вместо того, чтобы перейти к использованию компьютеров и текстовых редакторов, и это обусловило мою зависимость от машинок, из которых я особо хотел бы отметить двоих — Жанет Банкер и Донну Эванс из Университета штата Невада в Лас-Вегасе.

ГЛАВА 1

ЖАН-БАТИСТ СЭЙ: ФРАНЦУЗСКАЯ ТРАДИЦИЯ В СМИТОВСКОМ ПЛАТЬЕ

1.1. СМИТ ПОКОРЯЕТ ФРАНЦИЮ

3

Как мы уже отмечали в первом томе, одна из великих загадок в истории экономической мысли заключается в том, почему именно Адам Смит смог полностью подчинить своему влиянию эту сферу и приобрести репутацию «основоположника экономической науки», хотя Кантильон и Тюрго намного превосходили его и как специалисты по экономическому анализу, и как поборники *laissez faire*. И если в Британии конкуренцию последователям Смита составляли лишь две школы — меркантилизма и политической арифметики, то в случае Франции этот феномен поразителен. Загадка становится еще более неразрешимой, если обратить внимание на то, что выдающийся лидер французских экономистов в послесмитовскую эпоху Жан-Батист Сэй (1767—1832) *в действительности* продолжал традицию Кантильона—Тюрго, а не Смита, при том что он в значительной степени пренебрегал ею, провозглашая, что экономическая теория началась именно с Адама Смита. Сам он, Сэй, якобы лишь систематизировал чудесные истины, в зачаточном состоянии содержащиеся в «Богатстве народов». Ниже мы рассмотрим подлинный характер его мышления и его вклада в экономическую мысль, а также увидим его «французскую», несмитовскую и «протоавстрийскую» логическую ясность, акцентирование праксеологического аксиоматико-дедуктивного метода, полезности как единственного источника экономической ценности, роли предпринимателя, производительности факторов производства и индивидуализм.

В частности, в кратком изложении истории идей в своем великом «Трактате по политической экономии» Сэй вообще не упоминает Кантильона. Несмотря на значительное влияние Тюрго на его собственную доктрину, он бесцеремонно отмахивается от Тюрго, говоря, что тот силен в политике, но не имеет никакого значения для экономической науки, и утверждает, что фактически политическая экономия началась с «Богатства народов» Адама Смита. Это весьма странное сознательное пренебрежение своими предшественниками обычно ускользает от внимания вследствие того вопиющего факта, что не существует ни одной биографии Сэя на английском языке, и даже по-французски тоже практически ничего нет.

Вероятно мы сможем понять причины этой ситуации, если учтем следующие обстоятельства. Во Франции экономическая наука на протяжении долгого времени ассоциировалась с физиократами, les economists <экономистами>. Отстранение великого Тюрго от должности *генерального контролера* финансов в 1776 г. и последующая отмена его либеральных реформ способствовали дискредитации всего физиократического движения. Ведь Тюрго, к сожалению, воспринимался публикой всего лишь как попутчик физиократов и их самый влиятельный представитель в правительстве. После утраты физиократами политического влияния французские philosophes <философы> и передовая интеллигенция почувствовали, что теперь они могут беспрепятственно обрушивать на них поток насмешек и издевательств. Некоторые аспекты физиократического движения, свойственные фанатичным сектам, делали его уязвимым для высмеивания, и эту атаку возглавили encyclopédistes <энциклопедисты>, хотя сами они в целом поддерживали laissez faire.

Начавшаяся Французская революция ускорила упадок физиократии. Во-первых, сама она была слишком сосредоточена на политике, чтобы способствовать сколь-нибудь устойчивому интересу к экономической теории. Во-вторых, стратегическая ориентация физиократов на абсолютную монархию вела к их дискредитации в эпоху, когда монарх был свергнут и казнен. Кроме того, основной тезис физиократов, согласно которому только земля является производительной, вызывал подозрения в приверженности интересам земельной аристократии. Французская революция, направленная против аристократического правления и феодального землевладения, была несклонна проявлять терпимость к физиократии. Непримиримость еще больше усиливалась из-за индустриализации и Промышленной революции, делавших физиократическую привязанность к земле все более устаревшей. Все эти факторы привели к полной дискредитации физиократического движения, а поскольку Тюрго, к сожалению, оказался причисленным к физиократам, это одновременно подрывало и его репутацию. Ситуацию дополнительно осложнял тот факт, что государственный деятель и последний из физиократов Пьер Самюэль Дюпон де Немур — бывший помощник и близкий друг Тюрго, его редактор и биограф — сознательно искажал его взгляды, стремясь представить их как можно более близкими к представлениям физиократов.

Первоначально книга Смита «Богатство народов» была плохо встречена во Франции. Доминировавшие в то время физиократы презрительно отзывались о ней как о расплывчатом и слабом подражании Тюрго. Однако великий либерал Кондорсе, близкий друг и биограф Тюрго, написал полные восхищения примечания, сопровождавшие несколько французских переводов «Богатства народов». И вдова Кондорсе мадам де Груши продолжила семейную традицию участия в распространении идей Адама Смита, подготовив к изданию французский перевод «Теории нравственных чувств». Позднее, в 1790-х гг., оставшиеся

физиократы с благодарностью уцепились за фалды смитовского сюртука. Ведь Смит все-таки поддерживал *laissez faire*, а его симпатия к сельскому хозяйству доходила почти до абсурда, когда он утверждал, что аграрный труд является главным источником богатства. В результате большинство поздних физиократов стали ранними последователями Смита во Франции. Их лидером был первый переводчик «Богатства народов» на французский язык маркиз Жермен Гарнье (1754—1821), который в «Кратком изложении основных начал политической экономии» («*Abrègè elementaire des principes de l'économie politique*», 1796) представил смитовскую доктрину.

1.2. СЭЙ, ДЕ ТРАСИ И ДЖЕФФЕРСОН

После того в 1803 г. как Жан-Батист Сэй опубликовал первое издание своего великого «Трактата по политической экономии», лидерство среди французских последователей Смита быстро перешло к нему. Сэй родился в Лионе, в гугенотской семье торговцев текстилем. Большую часть начального периода своей жизни он провел в Женеве, а затем в Лондоне, где он стал учеником коммерсанта. В конце концов он вернулся в Париж в качестве служащего компании по страхованию жизни. Молодой Сэй вскоре стал лидером группы французских *philosophes*, выступавших за *laissez faire*. В 1794 г. Сэй стал первым редактором главного журнала этой группы «*La Décade Philosophique*». Будучи сторонником не только *laissez faire*, но и набравшего силу *industrielisme* <индустриализма> Промышленной революции, Сэй враждебно относился к абсурдно проаграрной физиократии.

Группа, связанная с «*Décade*», называла себя «исследователями идей» ('*ideologists*'); впоследствии Наполеон насмешливо окрестил их «идеологами» ('*ideologues*'). Используемое ими понятие «идеология» означало просто-напросто научную дисциплину, изучающую все формы человеческой деятельности, — исследование, основанное на уважительном отношении к индивидам и их взаимодействию, а не стремящееся к позитивистскому или научному манипулированию людьми, рассматриваемыми лишь как сырой материал для социальной инженерии. Идеологи вдохновлялись взглядами и теориями недавно умершего Кондильяка. Их лидером в сфере психофизиологии был доктор Пьер Кабанис (1757—1808), который тесно сотрудничал с другими биологами и психологами в Медицинской школе (*École de Médecine*). В области общественных наук главной фигурой в этой группе был богатый аристократ Антуан Луи Клод Дестют, граф де Траси (1754—1836)¹. Именно Дестют де Траси изобрел понятие «идеология», которое ввел в первом томе (1801) своего пятитомного труда «Начала идеологии» («*Éléments d'idéologie*», 1801—1915).

Впервые де Траси изложил свои экономические взгляды в 1807 г. в «Комментарии» к Монтескье — работе, оставшейся неопубликованной

из-за содержащихся в ней радикально либеральных идей. В ней автор критикует наследственную монархию и единовластие, выступает в защиту разума и понятия универсальных естественных прав. Де Траси начинает с отказа от данного Монтескье определения свободы как «возможности делать то, чего должно хотеть»⁽¹⁾ и формулирования гораздо более либертарианского ее определения как возможности желать и делать все что угодно. В «Комментарии» де Траси утверждает примат экономики в политической жизни на том основании, что главная цель общества — удовлетворять материальные нужды и служить удовольствию людей посредством обмена. Он прославляет торговлю как «источник всякого человеческого блага» и приветствует развитие разделения труда как путь к росту производства, не высказывая, в отличие от Адама Смита, никаких жалоб по поводу «отчуждения». Он также подчеркивает тот факт, что «в каждом торговом действии, в каждом обмене товарами обе стороны выигрывают, т.е. получают нечто, имеющее большую ценность чем то, что они продают». Поэтому свобода внутренней торговли так же важна, как и свобода торговли между странами.

Однако, сокрушается де Траси, эту идиллию свободной торговли, коммерции и растущей производительности поражает болезнь — государство. Налоги, указывает он, «всегда суть грабеж частной собственности, и используются они на совершенно разорительные, непроизводительные расходы». Государственные расходы представляют собой в лучшем случае неизбежное зло, и по большей части, «как, например, в случае общественных работ, частные индивиды могли бы осуществить их лучше». Де Траси резко возражал против создания денег государством и правительственного манипулирования ими. Порча монеты — это попросту «грабеж», а бумажные деньги — это создание товара, который стоит не больше бумаги, на которой они напечатаны. Де Траси также резко критиковал государственные долги и выступал за металлический, предпочтительно серебряный, денежный стандарт.

Четвертый том «*Éléments d'idéologie*», названный «Трактатом о воле» («*Traité de la volonté*»), несмотря на свое название, представлял собой трактат де Траси по экономической науке. Здесь он, наконец, добирается до экономики как составной части своей большой системы. «Трактат» был дописан к концу 1811 г. и опубликован в момент падения Наполеона в 1815 г. Он включил в себя новые идеи, содержащиеся в «Комментарии» к Монтескье, и опирался на них. По примеру своего друга и коллеги Ж.-Б. Сэя де Траси теперь особо выделял предпринимателя как важнейшее действующее лицо в производстве богатства. Порой де Траси записывают в сторонники трудовой теории ценности, но он лишь подчеркивал высокопроизводительную роль «труда» в сравнении с землей. Более того, «труд» для него представлял собой главным образом деятельность предпринимателя по сбережению и инвестированию плодов предшествующего труда. Предприниматель, указывал де Траси, сберегает капитал, дает работу другим людям и производит полезность, превосходящую

первоначальную ценность его капитала. Только капиталист берегает часть того, что он заработал, чтобы реинвестировать ее и произвести новое богатство. Де Траси красноречиво формулирует свой вывод: «Промышленные предприниматели — это само сердце государства, а их капитал — его кровь».

Более того, все классы общества совместно заинтересованы в функционировании свободного рынка. Де Траси пронизательно указывает, что не существует никаких «классов, лишенных собственности», потому что (используя парафраз его слов, принадлежащий перу Эммета Кеннеди) «все люди владеют как минимум самой драгоценной собственностью — своими способностями, и бедные не меньше, чем богатые, заинтересованы в сохранении этой собственности»². Таким образом, в самом центре идеи де Траси о ключевой роли прав собственности находилось фундаментальное право каждого человека на свою личность и ее способности. Отмена частной собственности, предупреждал он, приведет лишь к «равенству в нищете», так как будет означать ликвидацию личных усилий как таковых. Более того, хотя в условиях свободного рынка отсутствуют постоянные общественные классы, каждый человек является одновременно и потребителем, и собственником, а также может быть капиталистом, если делает сбережения, тем не менее нет оснований ожидать равенства доходов, так как люди сильно отличаются друг от друга способностями и талантами.

Анализ государственного вмешательства совпадает с тем, который содержится в «Комментарии». Все государственные расходы непроизводительны, даже если необходимы, всегда осуществляются за счет доходов производителей и поэтому являются паразитическими по своей природе. Наилучший способ поощрения промышленности со стороны государства — это «оставить ее в покое», а наилучшее правительство — это самое скупое правительство.

Что касается денежной сферы, то здесь де Траси твердо выступает за стабильные деньги. Он выражает сожаление, что названия монет более не являются простыми единицами веса золота или серебра. Порчу монеты он однозначно считает кражей, а бумажные деньги — кражей в особо крупных размерах. Ведь бумажные деньги — это просто-напросто постепенный и скрытый процесс последовательного обесценивания денежного стандарта. В работе анализируются разрушительные последствия инфляции, а привилегированные монопольные банки подвергаются критике как «в корне порочные» организации.

В то время как в акцентировании ключевой роли предпринимателя де Траси следовал Ж.-Б. Сэю, в другом аспекте он предвосхитил позицию своего друга, а именно в отказе от применения математики и статистики в общественных науках. Еще в 1791 г. он писал, что реальность и человеческая деятельность попросту не поддаются количественному описанию, и предостерегал от «шарлатанского» применения статистики в общественных науках. Де Траси критиковал применение математики в «Мемуаре о способности мышления» (*Mémoire sur la facilité*

de penser», 1798), а в 1805 г. отмежевался от идеи своего покойного друга Кондорсе насчет важности «социальной математики». Вероятно, под влиянием «Трактата» Сэя он утверждал, что адекватный метод социальных наук состоит не в математических уравнениях, а в выведении, или дедукции, свойств, в неявном виде содержащихся в основных, «исходных» аксиоматических истинах — короче говоря, метод праксеологии. С точки зрения де Траси, фундаментальная истинная аксиома формулировалась так: «Человек — чувствующее существо», — и из нее истина может быть получена посредством наблюдения и дедукции, а не с помощью математики. Он полагал, что эта «наука человеческого понимания» является основой всех наук о человеке.

Томас Джефферсон (1743—1826) был другом и почитателем *philosophes* и идеологов начиная с 1780-х гг., когда он служил послом во Франции. Когда идеологи в годы консулата Наполеона достигли определенного политического влияния, Джефферсон получил статус члена «мозгового треста» Национального института наук и искусств. Идеологи — Кабанис, Дюпон, Вольней, Сэй и де Траси — посылали ему свои рукописи и получали в ответ его одобрение и поддержку. Закончив «Комментарий» к Монтескье, де Траси направил рукопись Джефферсону и попросил его организовать перевод ее на английский язык. Джефферсон сам с энтузиазмом перевел часть этого труда, после чего английский текст был закончен и опубликован Уильямом Дуэйном, газетным издателем в Филадельфии. Таким образом, «Комментарий» увидел свет на английском языке в 1811 г., за восемь лет до того, как появилась возможность опубликовать его во Франции. Когда Джефферсон прислал опубликованный перевод де Траси, обрадованный философ исполнился воодушевления, закончил «Трактат о воле» и сразу послал его Джефферсону с просьбой перевести и эту книгу.

Джефферсон с восторгом воспринял «Трактат». Несмотря на то что сам он сыграл немаловажную роль в подготовке к войне 1812 г. с Великобританией, он был разочарован во всем том, что сопровождало эту войну, — государственном долге, высоких налогах, государственных расходах, наводнении страны бумажными деньгами и процветании привилегированных банковских монополий. Он пришел к выводу, что его любимая демократически-республиканская партия на самом деле взяла на вооружение экономическую политику ненавистных федералистов, последователей Гамильтона, и яростная атака де Траси на эту политику подтолкнула Джефферсона к тому, чтобы попытаться организовать перевод «Трактата» на английский язык. Он снова отдал рукопись Дуэйну, но тот разорился, а затем самому Джефферсону пришлось исправлять выполненный Дуэйном неудачный перевод. В конце концов книга была опубликована по-английски в 1818 г. под названием «Трактат по политической экономии» («*Treatise on Political Economy*»)³.

Бывший президент США Джон Адамс, взгляды которого на деньги, близкие к джефферсоновским, состояли в безусловной поддержке ста-

бильных металлических денег и в требовании 100%-ного резервирования в драгоценных металлах для банков, приветствовал выход «Трактата» де Траси как лучшей книги по экономике из всех к тому времени опубликованных. Особенно он превозносил главу, посвященную деньгам, поскольку в ней защищались «мнения, которые я разделял всю жизнь». Адамс добавлял: «Банки нанесли больше вреда религии, морали, порядку, процветанию и даже богатству страны, чем они... когда либо смогут принести блага. Вся наша банковская система, к которой я испытывал, продолжаю испытывать и буду испытывать до самой смерти глубокое отвращение... всякий учетный банк, всякий банк посредством которого выплачивается процент вкладчикам или они получают какую-либо прибыль, — все это есть совершеннейшее разложение».

Еще в 1790 г. Джефферсон провозгласил «Богатство народов» лучшей книгой по политической экономии, наряду с работой Тюрго. Его друг, епископ Джеймс Мэдисон (1749—1812), на протяжении 35 лет занимавший должность президента Колледжа Вильгельма и Марии, был первым в США профессором политической экономии. Этот либерал, с самого начала утверждавший, что «мы рождены свободными», использовал «Богатство народов» в качестве учебника. Теперь же в предисловии к «Трактату» Томас Джефферсон возносил «сердечную молитву» о том, чтобы именно эта книга стала основным учебным текстом по этому предмету в Америке. На какое-то время Колледж Вильгельма и Марии, подталкиваемый Джефферсоном, признал «Тракрат» де Траси в этом качестве, но это положение продлилось недолго. Вскоре в соревновании за популярность в США его обошел «Тракрат» Сэя.

Катастрофическая «паника» 1819 г. стала для Джефферсона дополнительным подтверждением его позиции в отношении банковского дела, основанной на идее стабильных денег. В ноябре этого года он разработал предложение по поводу депрессии, которое он в своей обычной манере попросил своего друга Уильяма Райвза внести в законодательное собрание штата Виргиния, не раскрывая авторства. Цель плана формулировалась недвусмысленно: «Полный и окончательный запрет банковских бумаг». Предложение было направлено на постепенное сокращение количества средств обращения до уровня, в точности соответствующего имеющемуся количеству металлических денег; правительство штата должно было добиться полного изъятия банкнот из обращения в течение пяти лет; в течение каждого года предполагалось погашать пятую часть банкнот металлическими деньгами. Кроме того, Виргиния должна была объявить для всех банков серьезным правонарушением принимать банкноты других штатов или расплачиваться ими. Банки, противящиеся реализации плана, должны были лишиться банковской лицензии или же немедленно в принудительном порядке погасить все свои банкноты металлическими деньгами. В заключение Джефферсон объявлял, что ни правительство штата, ни федеральное правительство не имеет право учреждать банки, а все деньги в обращении должны быть исключительно металлическими.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru